

Услышать и понять

Мир детства—глазами актрисы

Учу ли я новую роль, снимаюсь ли в кино, играю в театре — моя душа принадлежит детям: я опять пишу о них, озвучиваю мультфильмы, записываю пластинки... Как случилось, что это стало главной темой моей творческой жизни? Почему я, характерная актриса, сыгравшая в театре и кино множество взрослых сатирических ролей, вдруг навсегда связала свою актерскую судьбу с образом ребенка?

Любая особенность, необычность речи привлекла меня всегда. Как каждый актер, я чутко слушаю людей вокруг себя, их говор. Южная скороговорка, медлительное оканье северян и волжан, певучие речи москвичей никогда не оставляли меня равнодушной. Привлекла мое внимание и речь ребенка, столь отличная от языка взрослых.

Причем сначала меня просто притягивала забавная манера детской речи, ошибки, перевираание слов: «Там, в зоопарке, один был белый, а другой был бурный медведь», «Мама, дай мне бутерброд с величиной!», «А у нас был доткор», «Вот идет кондуткор»...

Я настолько изучала речь ребенка, его отношение к языку, что, заучивая стихи или прозу от лица малыша, не раз делала нечаянную ошибку, очень смешную, в каком-нибудь слове и, читая со сцены, оставляла, повторяла ее. Потом нередко оказывалось, что ошибка была невыдуманной, «не моей».

Услышать детей очень трудно. Если подойдешь к ним поближе, они, как птицы при приближении человека, замолкают, тут же перестают разговаривать, уставятся на вас и будут разглядывать. Поэтому всегда приходится искать способ общения с ними. Я никогда не задаю ребенку стереотипный вопрос: «Как тебя зовут?» или «Сколько тебе лет?» Почему-то взрос-

лые пользуются только этими фразами, чтобы установить с ребятами контакт. Как будто нельзя спросить человека еще о чем-нибудь.

Прежде всего разговариваю с детьми всегда с уважением, серьезно, не подлизываюсь к ним и в то же время не фамильярничаю: не нажимаю на нос пальцем, как на звонок, не говорю «Тр-р-р».

«Ты долго ломал эту машину?» — спрашиваю небольшого человека с остатками автомобиля, прижатых к груди. «Долго,— отвечает он гордо.— Два дня».

...Когда Мите в первый раз сделала прическу с боковым пробором, он страшно возмутился: «Я не буду так ходить! Так только женщины причесываются». «Тогда скажи,— спросила я,— какая же прическа мужская, по-твоему?» «Не знаю. Ну, хотя бы лысина».

Или такой разговор: «Почему плачет Игорь? Ты его обидел, Андрюша?» «Нет, он сам обиделся. Я его только водой облил. Грязной».

Пристальные наблюдения, постоянное общение с детьми помогли мне узнать их ближе и создать образ ребенка, раскрывая перед взрослой аудиторией его душу, его радости, обиды, недоумения, сложность ежедневного познания мира. А затем понадобилась определенная степень мастерства, чутье актера, чтобы раскрыть глубину этого образа. Внимание и интерес, которые вызывали у зрителей рассказы о детях, и связали меня с этой темой навсегда.

...Молодой отец везет торжественно двух близнецов в коляске. Четырехлетняя девочка подходит к нему, встав на цыпочки смотрит на младенцев, и строго говорит папе: «Дядя, зачем вы положили ваших детей в одну коляску?»

Разве вы не видите, что они мешают друг другу плакать?»

Я записываю беседы с детьми на клочках бумаги, на чем придется, как только услышу что-нибудь интересное, хоть на ладони, если не на чем: потом перепишу в записную книжку. Часто мне присылают письма с рассказами о малышах мамы, бабушки. Приведу некоторые.

Отец говорит дочке: «Не бегай все время к соседям. Ты им, наверное, надоела». «Ну что ты, папа?! Я пришла к ним, а они сами мне сказали: «Ну вот, только тебя еще тут не хватало!»

Первоклассник с восторгом сообщает: «Мама, меня сегодня одного вызывали к доске!» «Учительница тебя спрашивала?» «Она меня попросила: «Воробьев, встань сюда, к доске, повернись к классу лицом, посмотри на всех ребят и запомни: вот так надо сидеть за партой, а не крутиться, как волчок. У меня даже голова от тебя закружилась».

Рассказывать маленькие новеллы от лица ребенка нужно было так, чтобы зал тебе поверил. Пустое подражательное кривлянье и сюсюканье недопустимо, оно просто оскорбляет и взрослых, и ребенка.

Очень трудной задачей был для меня выбор темы. Мне сначала казалось, что ребенок может говорить только о веселых пустяках. Но постепенно я убеждалась, что тема не исчерпывается их смешными и забавными фразами, а включает в себя и сложные психологические, глубокие движения детской души.

Английский писатель У. рассказал мне, что как-то получил письмо от маленькой школьницы. Она писала: «Дорогой мистер У. Я хочу стать писателем, как и вы. Только почему-то у меня ничего не получается. Это по-

тому, что у меня совсем нет никаких мыслей. Я вас очень прошу, если у вас будут оставаться лишние мысли, прислать их мне». Мистер У. прочел это письмо жене в присутствии своей маленькой дочери, которая строго спросила: «Я надеюсь, папа, ты уже прислал ей хоть одну мысль?»

Вот как удивительно чувствуют и думают дети. Воспитатели, папы и бабушки, только держитесь да приглядывайтесь, как бы чего не пропустить, как бы помочь им удержать хорошее и не укрепить плохое.

Ребенок сидит за столом. Его посадили обедать. Он сидит и слышит, как его мама и бабушка громкими голосами высказывают свое недовольство друг другом или соседями. Мальчик зовет их: «Нахалки, скоро вы меня будете кормить?» — думая, что так и надо обращаться к женщинам.

Мы много говорим о детях, об их воспитании, об этике, эстетике, но подчас забываем, что вот — маленький человек, а вот — огромный, окружающий его мир. Каждый день — новые понятия, впечатления, слова, ощущения. Будем слушать ребенка с пониманием и сочувствием. Тогда и он станет внимательнее к нашим словам.

Рина ЗЕЛЕНАЯ.
Народная артистка РСФСР.